

**ШКОЛА
БЫРЯЛЬЩИКОВ**

Дмитрий ЕМЕЦ

СЕДЛО ДЛЯ ДРАКОНА

Москва 2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Оформление серии *Светланы Прохоровой*

Иллюстрация на обложке *Виктории Тимофеевой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 Седло для дракона / Дмитрий Емец. — Москва :
Эксмо, 2017. — 384 с. — (Школа ныряльщиков (ШНыр,
новый суперпроект Д. Емца).

ISBN 978-5-04-219227-2

Много лет назад Митяй Желтоглазый, один из первых ныряльщиков, нашел в другом мире — двушке — необычный самородок и выковал из него фигурку. Эта фигурка помогает ее обладателю приручить дракона. Драконы более маневренны, чем пегги, они быстрее, сильнее, и нырять с ними на двушку гораздо легче. Однако провести их в наш мир невозможно, а значит, и фигурка совершенно бесполезна. До поры до времени...

В наши дни опытная, но отчаянная Наста попыталась принести с нырка нечто особенное, не просто живую закладку, а яйцо. И судя по его размеру, из него мог вылупиться кто-то крупный. Шныры не знают кто, а вот кое-кто из ведьмарей знает. И теперь будет охотиться за редкой находкой.

**УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Емец Д. А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

ISBN 978-5-04-219227-2

— Человек — это прочитанные книги, ищущее беспокойство духа, сила привычек и немного генетики. И больше, по сути, ничего.

— Но ведь еще много зависит от того, какие книги читать! И когда! И с какой целью!

— Это — да. Но по большому счету все это само выправляется.

Кавалерия

Так вот, господа молодые офицеры. Я давно заметил, что люди сделаны из различных материалов. Существует глино-обыкновенный, и существуют глино-огнеупорные, есть железобетон — очень распространенный материал. Попадаются керамические изделия, есть люди, крытые черепицей, существуют конструкции из готовых блоков. Вот Лева — он крыт соломой. А вы, Лёлочка, по-моему, сделаны из заменителей. Я имею в виду самую качественную синтетику. А вот наш друг Володя — он выполнен из современных материалов. Он антимагнитен, морозоустойчив, водонепроницаем, антикоррозионен. Это тугоплавкий металл. Его можно запустить в космос, и он не сгорит в плотных слоях атмосферы. Вот почему я за него спокоен.

Фильм «Июльский дождь»

Глава первая

ДВА САМОРОДКА

В нормальных условиях мы представляем себе исправными, даже благородными, но чуть какой перегруз, или сбой, или что не по-нашему — сразу грязь жуткая переть начинается. Рвем друг друга в клочья, выкрикиваем что-то бессвязное, кусаемся, деремся, вспоминаем обиды. Значит, эта грязь и в нормальном состоянии есть — просто прячется.

Хочешь узнать, какой ты, — понаблюдай за собой в минуты усталости.

Кавалерия

Стоит по колено в воде юный Мокша. Поит пегов. Он любит смотреть, как они пьют, как фыркают, как после поднимают головы, как срываются с морд тяжелые капли. Разбегаются от капель круги, уносит их быстрым течением. Пегов три: Ширяй, Стрела и Птенчик. Ширяй пьет долго, вдумчиво, с ощущением важности того, что делает. Мощный жеребец, почтенный, уверенный в себе. Он и в реку вошел глубже других — почти по грудь. Бока его, принимая воду, раздуваются, как кузнечные меха.

Стрела переступает с ноги на ногу, то и дело оглядывается, воды же касается самыми кончиками губ, точно целует. Она беспокоится за Птенчика, своего жеребенка. Птенчик смешной, хвостик у него куцый. Не бежит, а прыгает, точно на пружинках. Заскочит в воду, испугается — и сра-

Дмитрий Емец

зу назад. Под попоной торчком стоят маленькие крыльышки. Мокиша часто думает, что надо было назвать его Кузнечиком, да вот поспешили.

На песке, вытянув ноги, сидит Митяй Желтоглазый. Смотрит на суету на противоположном берегу. Много там людей — чисто как муравьи мельтешат. Топорами стучат, пилят, леса ставят, костры палат. Тянутся вдоль берега груженные подводы. Суета, крики. Оно и понятно: кремлевскую стену до неба возвести — не кабак построить. Тут десятком каменщиков не отделаешься. Важное это дело, княжеское.

Наискось впадает в Москву-реку веселая речка Неглинная. В треугольнике на высоком мысу — Кремль. Не так давно, всего лет триста тому, были здесь только ров, песчаный вал и деревянные стены. Подпирали их крюковые жерди. Убери подпорки — и завалятся стены, поползут от дождей бревна по крутому склону. Каждые двадцать-тридцать лет, как по расписанию, — пожар. Дотла выгорает город, выгорают деревянные стены. Где завалятся, а где стоят почерневшими головелишками, ждут лишь толчка, чтобы осыпаться. Опять их возводят, расширяют, прирезают к Москве новые и новые куски. Как птица Феникс восстает из пепла обновленный город.

Много леса вокруг, есть из чего строить, да только сколько можно — горит и горит. От лучинки, от уголька, от опрокинутой лампадки, от неприятельской запаленной стрелы. Уж и из метрового дуба пробовали стены возводить, и насыпи делали — все едино. Надоело это московским князьям. При Дмитрии Донском потянулись из

Бедно для дракона

Мячково, из Дорогомилото подводы с камнем. Легко режется известняк, сноровисто работают мастера. И года не прошло — взлетели к небу сероватые стены. Как зальет их солнцем — вовсе белыми кажутся.

Митяй с Мокией еще помнят Кремль тем прежним белокаменным красавцем — девять башен, деревянные кровли на стенах. Но вот теперь, уж год или два тому, началось новое большое строительство. Со всей Руси собрал князь Иван III мастеров. Красив известняк, да ломок. Не устоять ему против пушек. Заменяют его кирпичной кладкой, подводят насыпи, возводят прочные высокие башни.

— Ты сегодня ныряешь? — спрашивает Мокиша.

Митяй кивает. Ложится на спину, смотрит в небо. Вокруг лесистые, зверьем кишачие холмы. Медведей — тех поменьше стало. Оттеснили их люди. Отошли они в глушь немыслимую — в Сокольники, в Раменки, в Сущево, затаились в тамошних чащобах, а вот пушных зверей, птиц, бобров — тех до сих пор море. Волки тоже озоруют. Редкий день не режут крестьянский скот.

— Я с тобой нырну, хорошо? — искательно спрашивает Мокиша.

Из высокой травы кивнуть нельзя, а Митяю не хочется отвечать словами. Поэтому он поднимает ногу и утвердительно сгибает ее в колене. Мокиша смеется. Вот так Митяй! Ногой кивнул! Он счастлив, он любит нырять с Митяем. Тот знает двушку как свои пять пальцев, а закладки — те просто нутром чувствует. Порой ему даже копать не приходится. Наклонится, поднимет обычный

Дмитрий Емец

с виду камень, перевернет — а внутри плещет синевой цветок, горит сдвоенная ягода или золотится тонкий, с нитяной ножкой гриб.

— Как ты нашел?! — восклицает пораженный Мокиша.

— Не знаю. Словно окликнул меня кто... Но сейчас мы не его ищем. Пусть подождет!

И Митяй заботливо возвращает камень на место, не забывая перевернуть его так, как тот лежал прежде.

Обычно нырлящик выматывается на двушке за несколько часов, а Митяй порой там даже ночует, правда, зарываясь в листья или хвою, потому что и он все же человек. И болеет, и страдает как и все. Больше всего досаждают ему рана — лисий укус.

Лису раскопал в норе и подкинул в избу Кика Златовласый, неумные ручки которого точно для того привешены к телу, чтобы доставлять всем беспокойство. Порой Мокиша прикидывает, как было бы хорошо, если бы Кика родился вовсе без ручек. Какой бы он тогда был хорошенький, с кукольным личиком, как бы все его жалели! А то и кудри пшеничные, и румянец на всю щеку, и улыбка белее снега — а так и тянет размахнуться и двинуть его со всей мочи. Со своей золотой пчелой Кика обращается ужасно. То в пироге ее запечет, то в угли закопает, а то наберет невесть где шершней, тарантулов — даже египетского скорпиона как-то выменял у заморских купцов на стрелецкую серьгу — и устроит в лукошке смертельный бой. Все интересно ему: существует ли на свете насекомое, которое одолеет его пчелу. Да вот только

